

стороны, высшее дворянство, придворная знать, являвшаяся вплоть до пугачевщины цитаделью всякого политического фрондерства; с другой стороны — среднепоместное и мелкопоместное шляхетство, служившее постоянной опорой самодержавия в его борьбе с олигархическими тенденциями дворянских верхов».²⁵

И далее, не называя Гуковского, но ссылаясь на него, Сергиевский пишет, что «не следует воскрешать старых, пусть в свое время вполне оправданных басен о безыдейности, бессодержательности дворянской литературы XVIII века. Как раз оперативность — говоря языком нашей эпохи — определенных ее пластов, ее теснейшая связь с социальной практикой дворянства — одно из характерных ее свойств, придающих ей определенный интерес и для нас. Один из участников настоящего сборника говорит о том, что стихотворения Державина играли роль своего рода негласной прессы, представляя читателю и сатирический фельетон, и передовую статью».²⁶

Последние слова Сергиевского повторяют то, что написал Гуковский в обзоре литературного наследия Г. Р. Державина: «Популярность Державина в его время была в значительной мере популярностью рукописного, полуподпольного поэта. При Екатерине, при Павле, даже при Александре I многие его стихотворения не были, да и не могли быть изданы. Написанные на злобу дня, полные намеков на сильных мира, намеков, нередко дерзких, такие стихотворения играли роль негласной прессы; они давали читателю и сатирический фельетон, и передовую статью».²⁷

Так мы переходим к фактическому участнику дискуссии. В «Трибуне» ему, как еще не окончательно ставшему на марксистско-ленинские позиции, место представлено не было, хотя в составе тома «Литературного наследия» ему принадлежала ведущая роль.

Но фактически он участвовал в споре своей статьей «За изучение восемнадцатого века». Ответ его содержится уже в названии статьи — он призывал до всяких теоретических умозаключений «изучить» восемнадцатый век, узнать его так, как он его знал. Одновременно он предостерегал от того, что называл «библиографическим крохоборчеством»: «Боязнь концепций, построенных на материале, еще слишком мало исследованном, боязнь углубления в толщу этого материала приводит некоторых „осторожных” ученых к некоему научному крохоборчеству. Они вырывают из моря малоизвестных фактов и имен какой-нибудь фактик, более или менее незначительный, какой-нибудь отдельный вопрос, вопросик, штрих и подвергают его микроскопическому исследованию,

²⁵ Там же. С. 511.

²⁶ Там же. С. 512.

²⁷ Там же. С. 369.